

Чугуевец.

О

Рус. И Ар. Культ.

1889

A

150

1052

1880
77052

О

РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРѢ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ЗАМѢТКИ

Павла Чугуевца.

„Добра хочу братьи и рускѣй земли“.

Владиміръ Мономахъ.

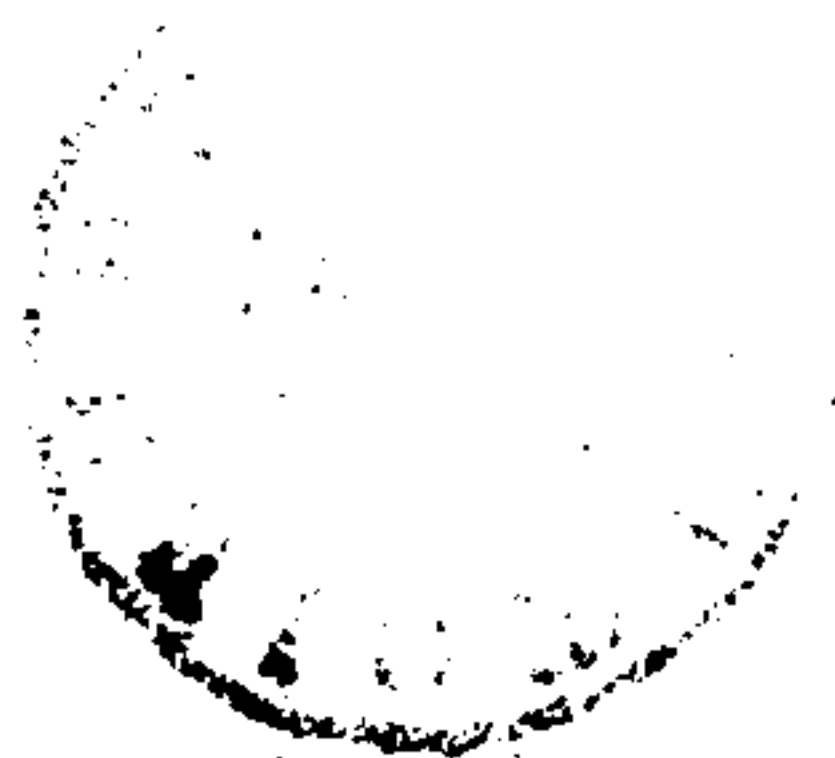
С О Д Е Р Ж А Н І Е:

1) Въ чемъ счастье? 2) Въ ночь подъ Ивана Купала. 3) Святой вечеръ. 4) Шельменки и простаки. 5) Культура и деревенская жизнь. 6) Прогрессъ простонародной жизни. 7) Слова и иллюзія гибнутъ, факты остаются.

Х А Р Ъ К О В Ъ.

Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“, Екатеринославская, № 41.

1889.

Дозволено цензурою. Москва. 15-го Февраля 1889 года.

2007237576

ВЪ ЧЕМЪ СЧАСТЬЕ?.....

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа,
Край родной долготерпѣнья,
Край то русскаго народа!
Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозить и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.....

Тютчевъ.

Правило изъ „Зендъ-Авесты“:—„Кто заботится о землѣ со вниманіемъ и усердіемъ, совершаетъ болѣе важную религіозную заслугу, нежели тотъ, кто повторяетъ десять тысячъ молитвъ“.

I.

Вотъ ниже—живая картинка, прекрасно нарисованная умѣлою рукою поэта, которая сразу насъ переноситъ въ ту среду лицъ, образъ жизни и образъ мыслей которыхъ, въ ихъ самобытномъ видѣ, составляетъ предметъ нашего описанія:

У недилу на выгони
Дивчата гулялы,
Жартувалы зъ паробками,
Де яки спивалы
Про досвитки, вечерныци

Та якъ была маты,
Щобъ зъ козакомъ не стояла.....

.

„Дывитця, дивчата,
Кобзарь иде, кобзарь иде!“

Та всп яко мога
Хлопцивъ кынулы, побиглы
Зостричать слипого.

— „Диду-сердце, голубчику,
Заграй намъ що-небудъ:
Я шага дамъ; я—черешень;
Я напою медомъ;
А тымъ часомъ одпочынышь,
А мы потанцюемъ“

(Изъ Шевченка).

А вотъ и внѣшній обликъ кобзаря, этого нашего „Гомера“ sui generis, будившаго у своихъ слушателей добрыя чувства то своимъ „любви и правды чистымъ ученіемъ“, то пѣснью, воскрешавшею своимъ живымъ словомъ далекую, прошлую жизнь,—обликъ народнаго пѣвца также простъ и скромнъ, какъ жизнь его слушателей.

Въ рукахъ чоботы, на плечахъ
Латана торбына
У старого. А дытына, (т. е. поводитарь
слѣпого дѣда)
Сердешна дытына
Обидрана, ледве, ледве,
Носе ноженята
Безталанный сынъ Катруси.

И такую-то убогую фигуру имѣлъ народный пѣвецъ, „глаголомъ жегшій сердца людей“, представитель тѣхъ пѣснетворцевъ, щирое слово которыхъ оставило по себѣ „нерукотворный памятникъ“ на поученіе потомкамъ....

..... — Живы ихъ пѣсни, живы ихъ народные чувства и мысли, сокрыты въ нихъ, но, увы, безпощадный, всеизмѣняющій ходъ времени стеръ ихъ самихъ съ лица земли,—показывая, что и для самобытной, народной жизни справедлива міровая поговорка „tempora mutantur et nos mutamur“.... Еще лѣтъ 20—30 назадъ раздавалось по селамъ и хуторамъ живое, поэтическое слово кобзарей про

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданія старины глубокой.....

Но теперь ихъ образное, живое слово хранится лишь въ сотняхъ пѣсенъ, — этихъ объективно-поэтическихъ образцахъ самобытно - народного эпоса, слагавшихся также просто и безыскусственно, какъ и породившая ихъ жизнь..... Къ сожалѣнію, эти пѣсни далеко еще не всѣ знакомы съ печатнымъ станкомъ „мертвой страницы“, —потому что очень часто приходится наталкиваться не только на новые варианты старыхъ пѣсенъ, но и на новые оригиналы ихъ, а стало-быть нашъ народный эпосъ, какъ и многое другое въ отношеніи культуры народной жизни, далеко еще не полностью изучены. Что-же касается самихъ кобзарей, то о нихъ мало можно услышать даже отъ старожиловъ деревни, такъ какъ-то неблагоприятно стало для нихъ время. Впрочемъ, правду надо сказать, что и въ деревнѣ теперь на подобіе города, проза

жизни всюду вытѣсняетъ поэзію жизни. И деревенская, крестьянская молодежь, отвлекаемая суровыми заботами прозаической жизни, плохо знаетъ кобзарей даже по наслышкѣ. Деревенскія дѣвушки оказываются въ этихъ случаяхъ болѣе добропамятными: они знаютъ кобзарей по крайней мѣрѣ по тѣмъ пѣснямъ, что и до днесь звучатъ въ ночь темную по селамъ и хуторамъ, — вырываясь изъ дѣвической груди или съ горя, или отъ радости. Мужская же часть деревенской молодежи поетъ рѣже и пѣсенъ знаетъ меньше. Къ сожалѣнію, вообще надо признаться, что „пѣвучая и пляшущая Малороссія“, какъ окрестилъ ее нашъ народный поэтъ, стала забывать о прелести своей народной Музы. Особенно — фабрично-заводскіе ея уголки: — здѣсь и „романсики“, и „оперетку“ можно услышать.

Но въ глубокую старину, когда слагался нашъ типичный патріархальный складъ народной жизни, въ самое ея первобытное время, власть надъ чувствомъ и умомъ народа вдохновенныхъ самобытныхъ пѣсенъ, вырывавшихся изъ сердца свѣточей народной жизни, была существенна, — какъ указываютъ намъ нѣкоторыя историческія данныя. Такъ напримѣръ, мы знаемъ, по свидѣтельству Тацита, что въ первобытной Германіи народные барды оказывали вліяніе даже на форму правленія германскихъ племенъ. — „Этотъ оригинальный классъ людей, — говоритъ Гиббонъ, — вполне заслуженно привлекалъ на себя вниманіе всякаго, кто изучалъ древности Кельтовъ, Скандинавовъ и Германцевъ“. — „Всѣмъ извѣстно, читаемъ далѣе, — какимъ они пользовались уваженіемъ, благодаря своему высокому призванію“.

При этомъ, не лишено будетъ интереса напомнить то удивленіе, которое высказываетъ Гиббонъ, стоя на точкѣ зрѣнія поклонника блестящаго періода цивилизаціи Римской Имперіи, предъ тѣмъ фактомъ, что у варваровъ придавали черезъ чуръ серьезное значеніе „любви къ поэзіи“,—но вотъ слова самого Гиббона:—„У цивилизованныхъ народовъ любовь къ поэзіи служитъ скорѣе *развлеченіемъ для фантазіи, нежели пищей для душевныхъ страстей*“, *) какъ это было у варваровъ, сломавшихъ окончательно подточенное развратомъ зданіе утонченной римской цивилизаціи, утопившей безвозвратно свой творческій геній въ рабскомъ подчиненіи страстямъ въ роскоши и нѣгѣ эпикурейстическаго матеріализма:—„Этотъ вѣкъ безстрастія не произвелъ ни одного геніальнаго писателя“, читаемъ у Гиббона же. И далѣе:—„Красоты произведеній поэзіи и ораторскаго искусства вмѣсто того, чтобъ возбуждать въ душѣ читателя такой же пылъ, какимъ они сами были одушевлены, вызывали лишь холодныя и рабскія подражанія“. —„Названіе поэта было почти позабыто, а названіе оратора не справедливо присвоили себѣ софисты. Масса критиковъ, компиляторовъ и комментаторовъ затемнила сферу знаній, а за упадкомъ генія скоро послѣдовала и испорченность вкуса“. **) И что всего поучительнѣе для переживаемаго времени это—то, что это разложеніе умственныхъ и нравственныхъ силъ совершалось *pari passu* съ фактомъ популяризаціи матеріалистической философіи:—„Богатые и образованные итальянцы, почти

*) „Ист. упад. и разр. Римс. Имперіи“, ч. I, стр. 307.

**) Ibidem, стр. 78—79.

всѣ безъ исключенія придерживавшіеся философіи Эпикура, наслаждались благами удобной и спокойной жизни и вовсе не желали, чтобъ ихъ сладкое усыпленіе было прервано“*) Такъ же было въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., т. е. во время благоденствія Римской Имперіи, въ „вѣкѣ Антониновъ“. Но у свирѣпыхъ сѣверныхъ гигантовъ „любовь къ поэзіи“ въ это же время была „пищей для душевныхъ страстей“, или, говоря словами нашего великаго поэта, она „глаголомъ жгла сердца людей“. И это глубокое значеніе поэзіи еще болѣе вырастаетъ въ глазахъ изслѣдователей первобытныхъ культуръ. Такъ напримѣръ, по отношенію къ исторіи человѣческой культуры, „заслуживаетъ вниманія, — читаемъ въ „Исторіи матеріализма“ *Ланге*, — одно обстоятельство, которое, по видимому, находится въ существенной связи съ первыми началами специфически человѣческой жизни; это — появленіе *чувства красоты* и извѣстныхъ зачатковъ искусства во времена, въ которыя человѣкъ явно жилъ еще въ дикой борьбѣ съ большими хищными животными, и съ трудомъ поддерживалъ свое существованіе, полное ужасовъ и случайностей самаго разрушающаго свойства“. И нѣсколько далѣе, тамъ же читаемъ: — „Мы имѣемъ здѣсь замѣчательное подтвержденіе мысли, которую Шиллеръ изложилъ въ своихъ „Художникахъ“; ибо, если мы представимъ себѣ дикую страстность первобытнаго человѣка, то въ противоположность къ ней, врядъ ли имѣемъ какой либо другой источникъ воспитывающихъ и возвышающихъ идей, кромѣ общества и чувства красоты. Этимъ невольно

*) Ibidem, стр. 83.

напоминается,—говорить въ заключеніе Ланге,—извѣстный вопросъ, что прежде—*пылъ*, или *говорилъ* человѣкъ?“ И съ этой точки зрѣнія во всей силѣ вырастаетъ значеніе „искры поэтического творчества“, съ упадкомъ который человѣкъ дичаетъ:—„Каждому человѣку, желающему отличиться отъ прочихъ животныхъ,—говорилъ, нѣсколько десятковъ столѣтій тому назадъ, Саллюстій,—надобно стараться всѣми силами, чтобы не провести жизни своей въ забвеніи и не уподобиться скотамъ, въ которыхъ дѣйствуютъ одни низкія побужденія“ *). Но, къ сожалѣнію, исторія показываетъ намъ такія эпохи времени, когда всплываютъ на поверхность преимущественно „одни низкія побужденія“, стирая собой на время идеальныя стремленія къ „поэзіи въ жизни“, такъ сказать..... На нѣчто подобное даетъ намъ намеки и настоящее время.... Но ненадо забывать, что эти наносныя наслоенія не составляютъ коренной сущности, которая таится подъ ними. Тѣмъ болѣе грустно, когда смѣшиваютъ эти переходныя наслоенія съ основами нашей народной жизни, замѣчая ея одни такъ сказать „скотскія низкія побужденія“ и закрывая глаза передъ положительной ея сущностью. Конечно, незачѣмъ скрывать, что въ патриархальную, чистую жизнь влилась грязная струя при посредствѣ всякихъ сортовъ „Разуваевыхъ“, вкусившихъ отъ плодовъ трактирной цивилизаціи. И болѣе того, эти то „цибулизированные“ живоглоты, да ихъ приспѣшники и составляютъ, такъ сказать, „ферментъ“ всевозможныхъ, отрицательнаго свойства, новшествъ:—отставъ отъ одного берега

*) Саллюстій, „Исторія заговора Катилины“, стр. 1.

и не приставъ къ другому, эти „перевертни“ — составляютъ тѣхъ новаторовъ, которые вносятъ въ народную жизнь невѣжество, турнюры и развратъ. Но смѣшивать представителей „скотскихъ побужденій“ переходнаго наслоенія съ сущностью народной жизни нѣтъ резоновъ: — эти хищники скорѣе кость отъ кости и плоть отъ плоти „интернаціональнаго“ хищничества, образчики котораго можно найти вездѣ и всегда. И коренное понятіе „крестьянствовать“ все по прежнему означаетъ жизнь, гдѣ и доселѣ живутъ старыя добродѣтели, составлявшія крѣпость, силу и мощь народной жизни. Эти добродѣтели искони придавали особую энергію самобытнымъ народамъ и развивали въ нихъ „вѣрность, мужество, гостепріимство и услужливость“, какъ характеризуетъ первобытныя и самобытныя племена древнихъ германцевъ Тацитъ. Если прибавить къ перечисленному ряду „варварскихъ добродѣтелей“ регулярный трудъ суроваго чисто хлѣборобскаго образа жизни, да накинуть еще одно качество народной души, ясно выраженное въ слѣдующей строчкѣ изъ народной пѣсни—

„ . . . послужи Богу и Царю!“ *)

—то предъ нашими глазами предстаетъ та „народная единица“, изъ которой сложился русскій народъ, въ его мощномъ современномъ видѣ. И эти могучія, свѣжія, вѣчно юныя черты души живутъ въ русскомъ народѣ крѣпко, прочно, несмотря на всякія наслоенія и, вопреки имъ, составляющія залогъ будущаго еще большаго величія. . .

*) См. 49 стр. „Малорусскія бытовыя пѣсни“. Очерки Павла Чугуевца.

И по мѣрѣ отрѣшенія отъ извѣстнаго рода предразсудковъ, заставлявшихъ смотрѣть на нашъ народъ, съ одной стороны, какъ на стадо дикарей, не способныхъ ни чувствовать, ни мыслить въ своей животной грубости и безпросвѣтномъ невѣжествѣ,—а съ другой заставляя считать всѣ противоположныя сему мнѣнія пустымъ декламаторствомъ, разукрашивающимъ добродѣтелями нѣчто несуществующее въ дѣйствительности,—безпристрастное изученіе культурныхъ чертъ народной жизни, въ ея чистѣйшихъ проявленіяхъ, кромѣ отрезвляющаго дѣйствія своими идеалами, показываетъ намъ и самую народную жизнь въ краскахъ на столько положительнаго свойства, что по нынѣшнему времени она можетъ пролить надлежащій свѣтъ на многіе вопросы, замыкающіеся въ заколдованный кругъ. . . . Конечно, прежде всего надо имѣть въ виду, что на тихой и мирной нивѣ крестьянски-народной жизни (какъ въ старину, такъ особенно теперь), мы не можемъ встрѣтить ни блеска, ни мишуры, бьющихъ на пустой эффе́ктъ. . . . Здѣсь жизнь течетъ, хотя и въ глубокомъ, и крѣпкомъ руслѣ, но просто безъ треска и шика—въ суровомъ, изо дня въ день, трудѣ, для нѣги и роскоши не дающихъ почвы. . . . И въ особенности въ переживаемое нами время на народно-крестьянской нивѣ жизнь улеглась въ крѣпкую колею, бурные элементы прошлаго отжили свой вѣкъ, испаряясь даже изъ народной памяти современныхъ поколѣній. . . . Пожалуй даже, нѣтъ въ современной народной жизни и той „романтической“ струйки, которая формировала забубенныхъ удалыхъ молодцевъ, да воспѣтыхъ въ „искусственной“ поэзіи всякихъ красавицъ,

„Катрусь“, „Марусь“, „Ганусь“ и какъ еще?—красавицъ, своею нѣжною сентиментальностью скорѣе напоминающихъ „бѣдпыхъ Лизъ“, чѣмъ самобытныхъ крестьянокъ, выросшихъ въ суровой школѣ дѣйствительной крестьянской жизни.... Можетъ быть, въ старину все это и было и жило, но теперь объ этихъ „блесткахъ“—ни слуху, ни духу.... Положимъ, время-то полиняло, что и говорить, а съ нимъ не одни только представители „культурнаго образа жизни“..... Романтическій источникъ изсякъ какъ тамъ, такъ и здѣсь: герои вывелись, въ обыкновенномъ смыслѣ слова... Но въ томъ то и дѣло, что даже о современной народной жизни нельзя сказать, чтобы здѣсь совсѣмъ, какъ у насъ, изсякла романтическая струя, которая такъ красиво въ старину окрашивала собою теченіе жизни, отражаясь въ ней и нѣжностью, и задушевностью и той поэтической красотой, что отразилась въ чудномъ лиризмѣ народной музыки.... И еще—невольно бросается въ глаза то, что хотя блестки и стерлись въ историческомъ ходѣ народной жизни, хотя мишура и слезла, но и дряблость, но и сѣренькая пошлость съ своимъ нравственнымъ художествомъ не нашли себѣ мѣста въ коренной народной жизни, которая стала только суровѣе, прозаичнѣе.... И съ этой стороны она заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія и изученія.

.... И такъ поэтичность изсякаетъ даже изъ народной жизни, по мѣрѣ того, какъ угасали ея пѣвцы и пѣснотворцы, эти „Гомеры“ *sui generis*,—угасали гдѣ нибудь въ самомъ укромномъ углу глубокой глуши.... Но они оставили намъ образцы народнаго, самобытнаго

эпоса, который сохраняет въ чистомъ видѣ образы формъ патріархальной народной жизни. И какъ богатъ свитокъ этихъ самобытныхъ, безъискусственныхъ пѣсень, показываетъ уже ихъ только простой перечень. Но прежде чѣмъ мы его сдѣлаемъ, — приведемъ одну историческую справку, имѣющую существенное отношеніе къ занимающему насъ вопросу. — „Дайте мнѣ пѣсни народныя, и я по нимъ напишу законы для народа“, сказалъ одинъ англійскій писатель *). Эти слова — болѣе, чѣмъ краснорѣчивый афоризмъ. Напримѣръ, у воинственныхъ представителей военныхъ республикъ, каковыми были древніе германцы, ихъ барды воспѣвали воинственные пѣсни, о славѣ древнихъ героевъ, воодушевляя ими воиновъ или передъ битвой, или во время ея, — подобно тому какъ воинственный пылъ внушенъ Тиртеемъ упавшимъ духомъ Спартамцамъ, — пѣли эти барды и на праздничныхъ обѣдахъ все же свои воинственные пѣсни, которыя пѣвались ими также подлѣ труповъ умершихъ героевъ. Такимъ образомъ у представителей воинственного племени имѣлось три рода пѣсень, но всѣ одного и того же воинственного характера, и хотя „нѣкоторые историки утверждаютъ, — читаемъ у Гизо, — что германцы пѣли также на свадьбахъ, но мнѣ кажется, — говоритъ онъ, — что это было бы не согласно съ ихъ обычаями, такъ какъ у нихъ бракъ былъ ничто иное, какъ покупка жены. Впрочемъ можно указать только одинъ такой случай (т. е. когда пѣлись свадебныя пѣсни): — готскій король Атольфъ самъ пѣлъ брачный гимнъ. Впрочемъ этотъ бракъ былъ со-

*) См. этюдъ Карлейля о Борнѣ.

вершонъ по римскимъ обрядамъ, въ составъ которыхъ входили пѣсни“ *).

Теперь, конечно, интересно взглянуть на то, о чемъ любилъ пѣть нашъ народъ.... Вотъ перечень пѣсенъ самобытно-народной Музы:—1) историческія и казацкія пѣсни (соотвѣтственно слѣдовательно съ воинственными пѣснями древнихъ германскихъ племенъ),—2) чумацкія и бурлацкія, 3) косарскія, пахатныя, жнецовъ и имъ подобныя, обнимающія различные полевые работы, 4) разбойницкія, 5) рекрутскія и солдатскія, 6) цѣлая свадебная эпопея, 7) святочные пѣсни, колядки, щедривки, пародіи, 8) купальныя (въ день на „Ивана Купала“), игральныя (хороводы и въ „ночь подъ Ивана Купала“), весняки, 9) лирическія и колыбельныя (это громадный отдѣлъ всевозможнаго рода задумчивыхъ пѣсенъ).

Такимъ образомъ, изъ этого уже перечня видно что въ нашемъ народномъ эпосѣ отразилась народная жизнь чуть не во всѣхъ своихъ культурныхъ проявленіяхъ. Богатство народной поэзіи, въ ея количественномъ отношеніи, говоритъ само за себя. Что же касается качественной стороны ея, какъ въ смыслѣ содержанія такъ и его внѣшней формы, въ которой выливается наша народная пѣсня,—мы будемъ говорить особо, въ дальнѣйшемъ ея разборѣ. Но прежде обратимъ вниманіе еще на одинъ бытовой факторъ, который имѣлъ, хотя и косвенную, но причинную связь съ эстетическимъ творчествомъ нашего народа, именно насъ интересуетъ то возможное въ старину количество досуга, которое

*) Цитировано изъ одного комментарія Гизо къ Гиббону, 308 стр., ч. 1. „Ист. ун. и раз. Р. И.“.